

А. С. Пушкин

Капитанская дочка

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Капитанская дочка: Часть 2 / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-0660-6

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию 1837 года (Санкт-Петербург, типография Н. Греча)

ISBN 978-5-4241-0660-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

У попадьи!—вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!...

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни.... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать пихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуточку попадьа вышла ко мнѣ въ сѣни съ пуспымъ шпюфомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна?—спросилъ я съ нсизъяснымъ волненіемъ.

«Лежишь моя голубушка у меня на кровати, тамъ за перегородкою» — ошвѣчала попадьа. «Ну, Петръ Андренчъ, чуть было не стряслась бѣда, да слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только-что утѣлся обѣдашь, какъ она моя бѣдняжка очнепсѣ да за стонетъ!... Я шакъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кпо эшо у тебя охаептъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь; захворала, лежишь вощъ ужъ другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — Молода,

Государь.—«А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.»—У меня сердце такъ и ёкнуло, да нечего было дѣлать.—Изволь, государь; только дѣвка - то не сможетъ встать и припсти къ твоей милости.—«Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь, вѣдь опдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами—и ничего.... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ уже и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыка, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичъ! кто бы подумалъ!... А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнапъичъ? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворентъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ бы ножомъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.»—Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и

голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ.»

Попадья ушла. Немного успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и спаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя бесполезность заступленія. По крѣпости бѣжали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога. «Слава Богу!» вскричалъ онъ увидя меня. Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу,

что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

Нѣтъ, не узналъ; а кто же онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, которой выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительное. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ пепли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости подвластной злодѣю, или слѣ-

довать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ, затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность сѣ положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, что-де великій Государь требуетъ тебя къ себѣ.» — Гдѣ жъ онъ? — спросилъ я, готовясь повиноваться.

«Въ комендантскомъ» отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушаютъ извоилихъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ приемы

такіе важныя... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона сго.»

Я не почелъ нужнымъ оспоривать мнѣнія казака, и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣ воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, потчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановою.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и уставленнымъ штофами и спаканами, Пугачевъ и человекъ десять казацкихъ старшинъ си-

дѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожамъ и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любоньштствомъ спалъ я размашивать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его по графомъ, по Тимоосичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ упреніи приступъ, объ успѣхъ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ,

предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспори-
валъ Пугачева. И на семъ-то спраннымъ воен-
номъ совѣтѣ рѣшено было итти къ Орен-
бургу: движеніе дерзкое, и которое чуть бы-
ло не увѣнчалось бѣдшвеннымъ успѣхомъ!
Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню.
«Ну, братцы!» — сказалъ Пугачевъ — «заша-
немъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣ-
сенку. Чумаковъ! начинай!» — Сосѣдъ мой за-
пѣнулъ шонкимъ голоскомъ заунывную бур-
лацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати,
Что завтра мнѣ доброму молодцу въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать;
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,

А четвертый мой товарищъ , то тугой лукъ ,
Что разсылщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговорить надежа православный Царь :
Исполать тебѣ , дѣтинушка , крестьянскій сынъ ,
Что умѣлъ ты воровать , умѣлъ отвѣтъ держать !
Я за то тебя , дѣтинушка , пожалую
Среди поля хоромами высокими ,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать , какое дѣйствіе произвела на меня эта проспонародная пѣсня про висѣлицу , распѣваемая людьми , обреченными висѣлицѣ . Ихъ грозныя лица , стройные голоса , унылое выраженіе , которое придавали они словамъ , и безъ того выразительнымъ , все потрясало меня какимъ-то пипическимъ ужасомъ .

Гости выпили еще по спакану , встали изъ за-стола и простились съ Пугачевымъ . Я хотѣлъ за ними послѣдовать ; но Пугачевъ сказалъ мнѣ : «Сиди ; я хочу съ тобою переговорить .» — Мы оспались глазъ на глазъ .

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе . Пугачевъ смошрѣлъ на меня приспально , изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства

и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ. «Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинута тебѣ веревку на шею? Я чаю, не-бо съ овчинку показалось... А покачался бы на перекладинѣ, если бѣ не твой слуга. Я потчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виноватъ»—продолжалъ онъ; «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешь ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

Вопросъ мошенника и его дерзость показали мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.